

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-151-159

Сергей Николаевич Титов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0007-5855-673X>, s.n.titov@yandex.ru

Ульяновский государственный педагогический университет

имени И. Н. Ульянова

Российская Федерация, 432700, Ульяновск, пл. Ленина, д. 4

Может ли использование информационных технологий быть квалифицирующим признаком преступлений против интеллектуальной собственности?

Аннотация: **Введение.** Настоящая статья посвящена проблеме учета использования информационных технологий при совершении преступлений против интеллектуальной собственности. Этот вопрос рассмотрен автором в трех аспектах – использование при совершении преступлений компьютерной информации; информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», и использование при совершении преступлений технологий искусственного интеллекта. **Методы.** В работе применены методы формальной логики, системно-структурного анализа, большое внимание уделяется исследованию материалов судебной практики. **Результаты.** Автор приходит к выводу, что использование информационных технологий должно повлечь более строгую ответственность в тех случаях, когда оно существенно облегчает совершение преступления, ведет к расширению числа получателей деструктивной информации или незаконных товаров и веществ и в перспективе способно увеличить число совершаемых преступлений. По итогам проведенного исследования автором получены результаты, выраженные в конкретных предложениях по совершенствованию уголовного законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Автор предлагает включить в отдельные статьи о преступлениях против интеллектуальной собственности квалифицирующий признак «деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», либо с использованием систем искусственного интеллекта».

Ключевые слова: уголовная ответственность; интеллектуальная собственность; искусственный интеллект; интеллектуальные права; посяательства на интеллектуальную собственность

Для цитирования: Титов С. Н. Может ли использование информационных технологий быть квалифицирующим признаком преступлений против интеллектуальной собственности? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 151–159; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-151-159.

Sergey N. Titov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0007-5855-673X>, s.n.titov@yandex.ru

Ulyanovsk State Pedagogical University

named after I. N. Ulyanov

4, pl. Lenina, Ulyanovsk, 432700, Russian Federation

Can the use of information technology be a qualifying feature of offences against intellectual property?

Abstract: Introduction. The present article is devoted to the issue of registration of the use of information technologies in committing offences against intellectual property. This issue is considered by the author in three aspects - the use of computer information in the committing offences; information and telecommunication networks, including the Internet; and the use of artificial intelligence technologies in committing offences. **Methods.** The methods of formal logic, system-structural analysis are applied in the research, the main attention is paid to the analysis of materials of judicial practice. **Results.** The author concludes that the use of information technology should lead to stricter liability in cases where it significantly simplifies crime committing, leads to an increased number of recipients of destructive information or illicit goods and substances, and has the potential to raise the number of offences committed. Based on the results of the research, the author formulates specific proposals to improve criminal legislation in the field of intellectual property. The author proposes to include in separate articles on offences against intellectual property the qualifying feature “an act committed with the use of information and telecommunication networks, including the Internet, or with the use of artificial intelligence systems”.

Keywords: criminal liability; intellectual property; artificial intelligence; intellectual rights; intellectual property infringement

For citation: Titov S. N. Can the use of information technology be a qualifying feature of offences against intellectual property? // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 151–159; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-151-159.

Введение

М. Д. Шаргородский в конце 1960-х годов писал: «Право в современном обществе не может и не должно отставать от научного и технического прогресса» [1, с. 385].

Сегодня для уголовного права важнейшим следствием этого прогресса является массовое развитие информационных технологий. По данным МВД России, в 2022 году с использованием кибертехнологий совершалось каждое четвертое преступление в стране¹. На данную проблему был вынужден обратить внимание Президент России. Выступая на расширенном заседании коллегии МВД, глава государства отметил, что за последние 6 лет число преступлений в сфере информационных технологий возросло более чем в 10 раз².

Специалистами отмечается высокий уровень компьютерных преступлений в сфере электронной коммерции [2, с. 6]. В информационной сфере сегодня возобладали деструктивные процессы [3, с. 98], а преступники используют роботов и искусственный интеллект для совершения преступлений, в том числе тяжких преступлений против личности [4, с. 169].

На момент вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации в нем не сохранилось упоминания об информационных технологиях. По истечении 25 лет они только в качестве квалифицирующего признака указаны в 27 составах преступлений (таблица 1).

При этом в российской науке и документах стратегического государственного планирования отсутствует ясное концептуальное понимание того, насколько сильно и в каких направлениях должно измениться уголовное право под влиянием «виртуализации» жизни, развития систем обработки и передачи информации, а также систем искусственного интеллекта [5, с. 93].

Это говорит не просто об актуальности, а о злободневности исследования вопросов уголовно-правового противодействия киберпреступлениям. Чрезвычайно важны эти вопросы относительно преступлений против интеллектуальной собственности, поскольку последняя представляет собой информацию, а значит крайне подвержена незаконному использованию, изменению и передаче с помощью информационных технологий.

¹ Краткая характеристика состояния состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 29.04.2023).

² Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 29.04.2023).

В пункте 2 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ приводится весьма широкое понятие информационных технологий, которыми признаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Ввиду столь широкого законодательного определения следует конкретизировать, в каких аспектах следует исследовать вопросы, связанные с использованием таких технологий при совершении преступлений против интеллектуальной собственности. Представляется, что таких аспектов три: использование при совершении преступлений компьютерной информации, информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», и использование при совершении преступлений технологий искусственного интеллекта.

Целью настоящей работы является выработка предложений по учету использования информационных технологий при совершении преступлений против интеллектуальной собственности, в том числе предложений о внесении изменений в действующее уголовное законодательство.

Методы

Методологическую основу данного исследования составил диалектический метод познания. Дополнительно были использованы различные общие и частные научные методы, в первую очередь анализ и синтез, системно-структурный и формально-логический методы, исследование и обобщение судебной практики.

Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства Российской Федерации, материалы судебной и правоприменительной практики, научная литература.

Результаты

Исходя из пункта 1 примечаний к ст. 272 УК РФ, под компьютерной информацией понимаются любые сведения (сообщения, данные), представленные в виде электрических сигналов.

С понятием компьютерной информации тесно связано понятие компьютерного преступления, под которым понимают любое преступление, которое может быть совершено с использованием компьютера [6, с. 1181], либо как незаконные действия, совершенные посредством электронных операций и направленные против безопасности компьютерных систем или обрабатываемых ими данных [7, с. 324], либо как преступления в сфере компьютерной информации, уголовная ответственность за которые предусмотрена в гл. 28 УК РФ [8, с. 8].

Поскольку интеллектуальная собственность зачастую представлена в виде компьютерной информации, неправомерные манипуляции с последней ставят вопрос о квалификации соответствующих деяний. Ответственность за неправомерные действия с компьютерной информацией предусмотрена нормами главы 28 УК РФ. Из содержащихся в ней составов наиболее вероятными деяниями, сопряженными с преступлениями против интеллектуальной собственности, являются неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ).

Вопрос о квалификации незаконных действий в отношении интеллектуальной собственности, сопряженных с преступлениями в сфере компьютерной информации, решен Пленумом Верховного Суда Российской Федерации следующим образом. Если действия, оцениваемые как преступления в сфере компьютерной информации, были способом совершения преступления против интеллектуальной собственности, квалификация осуществляется по совокупности преступлений⁴. Аналогичный подход должен, очевидно, применяться и в отношении прав на средства индивидуализации и секреты производства.

Иначе обстоит дело с использованием информационных систем. В настоящее время использование сетей никак не учитывается в составах преступлений против интеллектуальной собственности. Между тем повышенная общественная опасность совершения преступления таким способом не вызывает сомнений.

Под информационно-телекоммуникационной сетью понимается технологическая система, предназначенная для передачи информации по линиям связи⁵.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. – № 165. 29.07.2006.

⁴ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2022 (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Там же.

**Использование информационных технологий
как квалифицирующий признак преступления в УК РФ**

№ п/п	Состав	Признак
1	ч. 2 ст. 110, ч. 3 ст. 110 ¹ , ч. 2 ст. 110 ² , ч. 2 ст. 151 ² УК РФ	То же деяние, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)
2	ч. 2 ст. 128 УК РФ	Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»
3	ч. 3 ст. 133, ч. 3 ст. 242, ч. 2 ст. 242 ¹ , ч. 2 ст. 280, ч. 2, 4 ст. 354 ¹ УК РФ	Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, если оно совершено с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»
4	ч. 2 ст. 205 ² , ч. 11 ст. 238 ¹ , ч. 11 ст. 258 ¹ , ч. 2 ст. 280 ⁴ УК РФ	Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»
5	ч. 3, 5 ст. 222, ч. 3, ч. 5 ст. 222 ¹ , ч. 3, 5 ст. 222 ² УК РФ	Деяния, предусмотренные частью первой/второй настоящей статьи, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»
6	ч. 2 ст. 228 ¹ , ч. 2 ст. 280 ¹ УК РФ	Сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)
7	ч. 2 ст. 230, ч. 2 ст. 242 ² УК РФ	То же деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)
8	ч. 2 ст. 245, ч. 2 ст. 258 ¹ УК РФ	То же деяние, совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)

В УК РФ квалифицирующий признак преступления, связанный с использованием информационных технологий, встречается в восьми формулировках (табл. 1). Нельзя не оценить как порок юридической техники использование слов «электронные и информационно-телекоммуникационные сети» в одних составах и «информационно-телекоммуникационные сети» в других. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в 2022 году было дано разъяснение, что это одно и то же⁶. К чему авторами законов в текст включено указание «электронные сети» и почему не выдержано единообразие в формулировках квалифицированного признака, остается неясным.

В целом все восемь формулировок близки по значению. Они встречаются в составах преступлений, которые предполагают какую-либо коммуникацию – распространение, передачу информации, призывы и т. п. Значение информационных технологий заключается в облегчении такой коммуникации, ее ускорении, если требуется, в расширении аудитории. Воспользовавшись такими возможностями, преступник с большей легкостью способен осуществить преступный замысел, что говорит об увеличении его разрушительной силы в отношении объекта преступления, а значит, об увеличении опасности совершаемого деяния.

⁶ Там же.

Использование сетей повышает степень общественной опасности деяния за счет упрощения совершения деяния, анонимности преступников, а также массовости, быстрой и глубины проникновения негативного информационного воздействия на общество [9, с. 56].

Указанные обстоятельства становятся основанием для предложений о расширении использования данного способа как квалифицирующего признака в тексте уголовного закона [9, с. 56–57], и даже законопроектов о дополнении соответствующим пунктом списка универсальных отягчающих обстоятельств⁷.

Использование информационных технологий приводит к высокой латентности преступлений. По некоторым данным, она достигает в этом случае до 90 % [10, с. 45]. Это существенно ослабляет возможности частной превенции и увеличивает привлекательность продолжения преступной деятельности, что является еще одним поводом для усиления ответственности за такие преступления.

В то же время стоит избегать повального внедрения такого квалифицирующего признака в уголовный закон. Как и любые изменения, такие законодательные решения должны быть обоснованными и не вызывать сомнений. Это предполагает выработку четких, понятных, применимых на практике и научно обоснованных подходов к введению такого квалифицирующего признака. Эти подходы должны выражаться в критериях, показывающих, что подобное законодательное решение назрело.

В законотворческой практике последних лет имеются удачные примеры на этот счет. К таковым можно отнести квалифицированные составы сбыта наркотических средств, клеветы, склонения к потреблению наркотических средств, жестокого обращения с животными и др.

В этих преступлениях использование сети облегчает передачу информации, расширяет аудиторию преступника, повышает его анонимность, делает неважным место его нахождения, упрощает обмен денежными средствами.

Согласимся здесь с Е. А. Русскевичем в том, что квалифицирующий признак должен вводиться в тех случаях, когда использование информационных технологий способно привести к повышению общественно опасных последствий [11, с. 78].

Стоит только уточнить, что при рассмотрении вопроса криминализации в этой части нужно не только оценивать опасность каждого отдельного преступления, но и криминологическую перспективу, возможность увеличения числа и опасности совершаемых преступлений в случае непринятия необходимых мер уголовно-правового противодействия.

Нелишним будет в связи с этим отметить, что превентивная криминализация в настоящее время приобретает все большее значение, о чем говорит анализ вносимых в уголовный закон изменений последнего десятилетия [12, с. 125].

Таким образом, использование информационных технологий должно признаваться квалифицирующим признаком преступления тогда, когда оно существенно облегчает его совершение, ведет к расширению числа получателей деструктивной информации или незаконных товаров и веществ и в перспективе способно увеличить число совершаемых преступлений.

Среди составов преступлений против интеллектуальной собственности можно отметить следующие варианты описания преступного деяния:

- 1) присвоение авторства (ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147 УК РФ);
- 2) принуждение к соавторству (ч. 1 ст. 147 УК РФ);
- 3) незаконное использование объекта интеллектуальной собственности (ч. 2 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 и ч. 2 ст. 180, ч. 2 ст. 183 УК РФ);
- 4) приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров объектов интеллектуальной собственности (ч. 2 ст. 146 УК РФ);
- 5) разглашение сущности объекта промышленной собственности (ч. 1 ст. 147 УК РФ);
- 6) незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую тайну (ч. 1 ст. 183 УК РФ);
- 7) незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну (ч. 2 ст. 183 УК РФ).

В отношении статьи 183 УК РФ нужно обратить внимание на то, что из всех видов тайн, указанных в этой статье и других статьях УК РФ, только коммерческая тайна является объектом интеллектуальной собственности, что следует из ст. 1465 ГК РФ. По этой же причине нельзя отнести к преступлениям против интеллектуальной собственности разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ). В отношении последнего из указанных составов

⁷ Добрикова Е. Использование Интернета при совершении преступлений предлагают отнести к отягчающим обстоятельствам [Электронный ресурс] // Доступ из ИПП «Гарант.ру»: сайт. – URL: <https://www.garant.ru/news/722335/> (дата обращения: 10.02.2023).

следует также заметить, что объектом этого преступления являются отношения, связанные с основами конституционного строя, а не с оборотом интеллектуальной собственности.

Представляется, что составы плагиата и разглашения сущности объектов промышленной собственности, во всяком случае, в настоящее время, не соответствуют описанным выше критериям введения квалифицированного состава, связанного с использованием информационных технологий. Еще одним аргументом здесь может быть нулевая статистика преступности по этим статьям⁸.

Зато этим критериям вполне соответствуют незаконное использование объекта интеллектуальной собственности и приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров объектов интеллектуальной собственности. Типичными для данной категории дел являются следующие обстоятельства.

31 января 2020 г. М. осуществил копирование с неустановленного сайта в сети «Интернет» контрафактной версии дистрибутивов программного продукта стоимостью 1 108 200 рублей. Указанными действиями М. незаконно приобрел указанные программные продукты и стал незаконно хранить с целью сбыта. 8 февраля 2020 г. М. осуществил незаконную установку и копирование программных продуктов Б., участвующего в проведении проверочной закупки. Своими действиями М. незаконно использовал объекты авторского права, незаконно приобрел и хранил с целью сбыта контрафактные экземпляры произведений в особо крупном размере⁹.

В данном примере сеть «Интернет» явилась источником получения виновным контрафактной продукции и способом связи с клиентом. Это в точности соответствует критерию облегчения совершения преступления, описанному нами выше.

В отношении незаконного собирания сведений, составляющих коммерческую тайну, и незаконного разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну, хотелось бы прокомментировать позицию Е. А. Русскевича. Автор полагает, что разглашение коммерческой тайны, совершенное путем передачи документов, и разглашение коммерческой тайны через электронное письмо, имеют равную опасность [11, с. 77]. При подобном кратком изложении обстоятельств вывод не вызывает возражений. Однако обратимся к реальному уголовному делу.

Будучи зарегистрированным в социальной сети *Telegram* и не установленном в ходе предварительного следствия интернет-форуме, Л. стал предлагать свои услуги как работника ПАО «Сбербанк России», имеющего доступ к базе клиентов банка, по передаче персональных данных о клиентах ПАО «Сбербанк России», которые относятся к категории банковской тайны, за денежное вознаграждение. После чего ответил согласием на предложение неустановленного следствием лица, с сетевым псевдонимом «Сервис» о передаче сведений о клиенте ПАО «Сбербанк России» за денежное вознаграждение. Далее Л. получил сведения по счету клиента ПАО «Сбербанк» и посредством программы для быстрого обмена сообщениями *Telegram* через сеть «Интернет» совершил разглашение неустановленному лицу этих сведений¹⁰.

В данном случае сеть «Интернет», а также мессенджер *Telegram* имеют определяющее значение для совершения преступления – как источник получения клиентов для возмездной передачи тайных сведений, как инструмент достижения сговора («сделки» с клиентом), как средство передачи этих сведений и, наконец, как гарантия анонимности (обратим внимание, что клиент остался неизвестен).

Зададимся вопросом: пошел бы Л. на совершение преступления, если бы ему предстояло передавать коммерческую тайну на бумажном носителе при личной встрече с клиентом и получить там же вознаграждение наличными деньгами? Весьма вероятно, что опасность быть застигнутым на месте совершения преступления, возможность встречи со случайными свидетелями, попадания на камеры видеонаблюдения, перспектива свидания с клиентом, который в этом случае запомнил бы его внешность, а также перспектива оставить множество других следов отпугнули бы злоумышленника.

⁸ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год [Электронный ресурс] // Судебный департамент РФ: сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 30.04.2023).

⁹ Приговор Дмитровградского городского суда Ульяновской области от 23 апреля 2020 г. по делу № 1-166\2020 [Электронный ресурс] // Дмитровградский городской суд Ульяновской области: сайт. – URL: <http://dimitrovgradskiy.uln.sudrf.ru/> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁰ Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя от 14 ноября 2019 г. по делу № 1-1151/19 [Электронный ресурс] // Дмитровградский городской суд Ульяновской области: сайт. – URL: <http://promyshlenny.stv.sudrf.ru/> (дата обращения: 30.04.2023).

Те же вопросы можно задать в отношении клиента. Весьма логично предположить, что на личную встречу с неизвестным человеком для участия в незаконной передаче сведений (пусть даже в качестве получателя) пойдет далеко не каждый. А вот в условиях анонимности подобные предложения вполне могут найти широкую клиентуру.

Добавим к обозначенным выше вопросам еще один: откуда взялся бы этот клиент? Ведь вся «бизнес-идея» Л. была основана на поиске заинтересованных лиц через интернет.

Если исходить из того, что опасность деяния прямо зависит от степени вероятности наступления общественно опасных последствий [13, с. 102], а также из общего подхода к квалифицирующим признакам, описанного нами выше, использование информационных технологий в составах, связанных с незаконными действиями в отношении коммерческой тайны, необходимо, поскольку такое использование несет в себе потенциал облегчения совершения преступления и увеличения числа таких преступлений.

Таким образом, предлагается включить использование сети «Интернет» в качестве квалифицирующего признака незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, приобретения, хранения, перевозки контрафактных экземпляров объектов интеллектуальной собственности, незаконного собирания и разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну.

В отношении этих же составов стоит рассмотреть вопрос об усилении ответственности при использовании систем искусственного интеллекта.

Технологии искусственного интеллекта в настоящее время получают взрывное развитие. В нашей стране это связано и с экономическими, и с техническими причинами, и с позицией руководства страны, оказывающего всемерную поддержку этим процессам. На международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению *Artificial Intelligence Journey 2022* на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста» Президент России В. В. Путин заявил: «Задача нового этапа в горизонте текущего десятилетия – обеспечить именно массовое внедрение искусственного интеллекта. Оно должно охватить все отрасли экономики, социальной сферы и систему госуправления»¹¹.

Несомненными являются достижения в этой области. В то же время технологии искусственного интеллекта, имеющие неоспоримое значение для социальной сферы и экономики, являются эффективным вредоносным орудием в руках преступников.

С. Б. Вепрев и С. А. Нестерович пишут, что преступники заинтересованы, чтобы их преступную работу выполнили информационные системы с искусственным интеллектом, а они получили от ее работы прибыль и оставались вне подозрения правоохранительных органов [14, с. 378].

И. Р. Бегишев, З. И. Хисамова выделяют два вида криминологических рисков применения искусственного интеллекта – прямой и косвенный. Прямой риск связан с непосредственным действием на человека и гражданина той или иной опасности, вызванной применением искусственного интеллекта. Косвенный связан с непреднамеренными опасностями в контексте применения таких систем [15, с. 775].

Представляется, что в случае с интеллектуальной собственностью применение технологий искусственного интеллекта должно быть учтено как квалифицирующий признак преступления, поскольку способно многократно увеличить общественную опасность деяния, будучи потенциально не ограничено в масштабах получения, обработки и распространения информации.

При этом использование искусственного интеллекта и применение при совершении преступления вредоносной компьютерной программы не являются совпадающими понятиями. Это видно хотя бы по определению этих средств: программа есть совокупность данных и команд¹², а искусственный интеллект представляет собой технологию имитации когнитивных функций человека¹³.

¹¹ Выступление В. В. Путина на международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению *Artificial Intelligence Journey 2022* на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста» [Электронный ресурс] Сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69927> (дата обращения: 10.02.2023).

¹² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2022 (дата обращения: 10.02.2023).

¹³ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 октября 2019 г. – № 41. – Ст. 5700.

Заключение

Таким образом, использование информационных технологий должно влечь более строгую ответственность в тех случаях, когда оно существенно облегчает совершение преступления, ведет к расширению числа получателей деструктивной информации или незаконных товаров и веществ и в перспективе способно увеличить число совершаемых преступлений.

Квалифицирующий признак преступлений против интеллектуальной собственности, связанный с использованием информационных технологий, может быть сформулирован следующим образом: «Деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», либо с использованием систем искусственного интеллекта».

Список литературы

1. Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2003. – 434 с.
2. Журкина О. В., Филиппова Е. О. Проблемы предупреждения мошенничества в сфере компьютерной информации // Российский судья. – 2022. – № 12. – С. 6–9.
3. Расторопов С. В., Шахрай С. С. Определение общего понятия состава преступлений в сфере компьютерной информации в контексте анализа действующего уголовного законодательства // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 9. – С. 97–104.
4. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 169–178.
5. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. – Москва: Проспект, 2014. – 296 с.
6. Broadhead S. The contemporary cybercrime ecosystem: A multidisciplinary overview of the state of affairs and developments // Computer Law and Security Review. – 2018. – Vol. 34. – Iss. 6. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3272270 (дата обращения: 12.07.2023).
7. Скляр С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 322–329.
8. Жижина М. В., Завьялова Д. В. Содержание преступлений в сфере компьютерной информации в России и зарубежных странах как основа создания единой методики расследования // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2022. – № 3. – С. 6–9.
9. Косарев М. Н. Информационно-телекоммуникационные сети как признак преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014. – № 2. – С. 56–57.
10. Рассолов И. М. Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления // Юридический мир. – 2008. – № 2. – С. 44–46.
11. Русскевич Е. А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. – 2017. – № 8. – С. 73–79.
12. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). – 2023. – № 76 (1). – С. 110–125.
13. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – Москва: Госюриздат, 1960. – 244 с.
14. Венрев С. Б., Нестерович С. А. О некоторых криминальных направлениях в использовании искусственного интеллекта // Вестник науки. – 2019. – № 6 (15). – Т. 2. – С. 377–383.
15. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 767–775.

References

1. Shargorodskiy M. D. Izbrannyye raboty po ugovolnomu pravu. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr, 2003. – 434 s.
2. Zhurkina O. V., Filippova Ye. O. Problemy preduprezhdeniya moshennichestva v sfere komp'yuternoy informatsii // Rossiyskiy sud'ya. – 2022. – № 12. – S. 6–9.

3. *Rastoropov S. V., Shakhray S. S.* Opredeleniye obshchego ponyatiya sostava prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii v kontekste analiza deystvuyushchego ugolovno-zakonodatel'stva // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. – 2010. – № 9. – S. 97–104.
4. *Gracheva Yu. V., Aryamov A. A.* Robotizatsiya i iskusstvennyy intellekt: ugolovno-pravovyye riski v sfere obshchestvennoy bezopasnosti // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2020. – № 6. – S. 169–178.
5. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Problemy rossiyskoy ugolovnoy politiki. – Moskva: Prospekt, 2014. – 296 s.
6. *Broadhead S.* The contemporary cybercrime ecosystem: A multidisciplinary overview of the state of affairs and developments // Computer Law and Security Review. – 2018. – Vol. 34. – Iss. 6. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3272270 (data obrashcheniya: 12.07.2023).
7. *Sklyarov S. V., Yevdokimov K. N.* Sovremennyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya, struktury i sushchnosti komp'yuternoy prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii // Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2016. – T. 10. – № 2. – S. 322–329.
8. *Zhizhina M. V., Zav'yalova D. V.* Soderzhaniye prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii v Rossii i zarubezhnykh stranakh kak osnova sozdaniya yedinoy metodiki rassledovaniya // Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. – 2022. – № 3. – S. 6–9.
9. *Kosarev M. N.* Informatsionno-telekommunikatsionnyye seti kak priznak prestupleniya // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 2. – S. 56–57.
10. *Rassolov I. M.* Kiberprestupnost': ponyatiye, osnovnyye cherty, formy proyavleniya // Yuridicheskiy mir. – 2008. – № 2. – S. 44–46.
11. *Russkevich Ye. A.* Ugolovnoye pravo i informatizatsiya // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2017. – № 8. – S. 73–79.
12. *Pudovochkin Yu. Ye., Babayev M. M.* Sovremennoye normotvorchestvo kak osnova formirovaniya novoy teorii kriminalizatsii // Lex russica (Russkiy zakon). – 2023. – № 76 (1). – S. 110–125.
13. *Kudryavtsev V. N.* Ob'yektivnaya storona prestupleniya. – Moskva: Gosyurizdat, 1960. – 244 s.
14. *Veprev S. B., Nesterovich S. A.* O nekotorykh kriminal'nykh napravleniyakh v ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta // Vestnik nauki. – 2019. – № 6 (15). – T. 2. – S. 377–383.
15. *Begishev I. R., Khisamova Z. I.* Kriminologicheskiye riski primeneniya iskusstvennogo intellekta // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2018. – T. 12. – № 6. – S. 767–775.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted July 10, 2023; approved after reviewing September 12, 2023; accepted for publication February 1, 2024.